

КРИЗИС СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ И ПУТИ ВЫХОДА ИЗ НЕГО

Л. А. ШИРЯЕВ

Факультет гуманитарного образования УГАТУ
Тел: (3472) 23 78 54

Дается философско-социологический анализ кризиса социального познания. Раскрываются его причины, сущность, последствия. Обосновывается вывод о необходимости перехода к практике исторически нового типа как главном условии и средстве преодоления кризиса

Целеполагание; практика; познание; философия; социология; отчуждение; творчество

Двадцатый век принес революционные изменения в жизнедеятельность человечества. Жизнедеятельность землян превратилась в единый хозяйственно-культурный процесс. Теперь некорректно рассматривать развитие отдельных стран и корпораций вне контекста мировых технологических, экономических, информационных и т. д. связей.

Глобализация человеческой деятельности сопровождается ее фундаментализацией. От освоения простейших механических свойств материи человечество перешло к познанию и широкому практическому использованию законов микрофизических, микробиологических и социальных взаимодействий.

Двигаясь по ступеням истории, человек переходил от освоения и использования естественных сил природы к созданию искусственных материально-технических производительных сил, а от этих последних — к формированию в качестве базисных исторически новых всеобщих общественных производительных сил, главной составляющей которых является наука.

В современной науке сложилось три относительно автономных блока знания: естествознание, техникосзнание и обществознание. До сих пор первенство в этой тройке интеллектуальных богатейшей отдавалось естествознанию, а научный статус многих видов социального знания подвергался сомнению из-за невозможности наглядно-эмпирического подтверждения их истинности. Однако само естественно-научное знание, воплощаясь

в высоких технологиях, средствах массового поражения, массовой коммуникации науки и образования, здравоохранения и защиты окружающей среды, все больше и больше попадает в зависимость от достижений гуманитарных наук, определяющих культуру мышления и практику целеполагания.

Современная действительность все более и более практически подтверждает прогноз К.Маркса о превращении всех наук в единую науку [7. С. 124]. Структурная перестройка науки идет в направлении превращения комплекса общественных и гуманитарных наук в системообразующее ядро, в определяющий фактор научного познания. Именно познание и освоение широкого спектра сил социального взаимодействия составляет главную животрепещущую проблему современности.

Бум социальных (социально-организационных, социально-информационных, социально-педагогических, корпоративно-культурных и т. д.) технологий свидетельствует об эмпирическом открытии культуры как важнейшей формы общественного богатства и универсальной производительной силы. Однако погоня за сиюминутной экономической выгодой делает то, что культура эксплуатируется хищнически, обескровливается, приобретает уродливый вид. Технологическая и экономическая рациональность оборачиваются иррациональностью социально-исторической.

Всякие попытки принижения роли социального познания, пренебрежительное отно-

шение к азбучным истинам исторической науки чревато громадными потерями социально-культурных достижений, интеллектуальным и нравственным вырождением человечества.

Трагизм истории естественно-научного познания меркнет перед историей познания социального. И это понятно. Социальные истины затрагивают коренные интересы каждого. Они заставляют содрогаться одних и воодушевляют на героические действия других. Одним социальным группам они объявляют исторический приговор, другим предписывают роль спасителей. Нас возвышающий обман все еще остается более ходовым товаром, чем тьмы истин. Наука еще не стала общей культурой мышления, не превратилась в составной элемент быта. Многие люди в своих ожиданиях ориентируются на сверхъестественные силы, счастливый случай или на личность спасителя.

Казалось бы, что в эпоху НТР, на пороге третьего тысячелетия, когда наука приобрела характер универсальной творческой силы, когда очевидной стала революция в человеческой деятельности, в условиях, когда созревают объективные предпосылки для глобальной революции в человеческих отношениях, казалось бы, что именно в этих условиях наступит час авторитета социального знания, авторитета исторической науки. Увы, этого не произошло. Если с середины XIX в. социальное познание двигалось от утопии к науке, то сегодня наблюдается обратный процесс.

Преодолев тысячи и тысячи исторических преград, человечество оказалось погруженным в сумерки «духовного затмения». И в тот момент, когда посткапиталистический субъект истории должен был на деле показать свою интеллектуальную мощь и придать общественному развитию направление и содержание, наиболее адекватное человеческой природе и уровню социально-экономических достижений, именно в этот момент субъект истории оказался интеллектуальным банкротом.

Кризис целеполагания обусловлен комплексом объективных и субъективных причин, среди которых особое место занимает все более углубляющееся противоречие между социальным познанием и общественно-исторической практикой. Объективная необходимость превращения наук о человеке в ведущую непосредственно производительную си-

лу не подкрепляется пока действительным их положением в обществе. Это обусловлено не только недооценкой, невостребованностью гуманитарного знания, но и кризисом социального познания. В социальной философии и социологии возобладали псевдонаучные и антинаучные методы, эмпиризм и редукционизм, эклектика и софистика, интеллектуальный анархизм и исторический пессимизм.

Официальная социальная философия на пороге XXI века сползает с позиций диалектического материала, отказывается от своей творческой функции, дистанцируется от общественно-исторической практики. По мнению известного философа В. С. Барулина, она никому не служит, никому не подчиняется, она сосредоточивается «на собственном развитии, отвлекаясь от воздействия любых внешних факторов» [1. С. 39]. Известный специалист по социальной философии на первое место в историческом познании ставит «творческую свободу исследователя», а творческую свободу масс ограничивает конкретным совершенствованием повседневного бытия и категорически запрещает постановку и реализацию общих фундаментальных целей, ибо «стремление к всеобщим преобразованиям» ведет «к диктатуре идеи над жизнью ... в конечном счете превращается в игнорирование человека» [1. С. 257]. Апология частных целей и запрет общих аргументируется следующим образом.

«Исторический опыт XX века со всей убедительностью показал, что постановка перед массами — движущими силами истории — задачи построения нового общества, новой формации, взятой самой по себе, в отрыве от удовлетворения повседневных интересов людей, выдвинутой в качестве безусловного приоритета, ни к чему иному, кроме как социальному краху, привести не может.

Из всего этого вытекает достаточно очевидный вывод, что при всем могуществе движущих сил общества они не могут ставить задачи типа построения новой формации. Не могут не потому, что неизвестно, хороша или плоха эта формация, а не могут в принципе». Что же касается «формационных сдвигов», то они «возникают как продукт объективно-закономерных изменений истории, они возникают *post factum* в общественном итоге жизни» [1. С. 257]. Вот вам и новая антиномия разума! Если для Канта мир принципиально не познаваем, то для Барулина он принципиально не преобразуем. Но в таком случае совершенно обесценивается знание все-

общих объективных законов истории и становится возможным частное выдавать за всеобщее и морочить людям головы оригинальными изысками «свободных творцов» социальной философии. Что это, как не стыдливая форма агностицизма и исторического пессимизма? Что это, как не низведение жизнетворческой роли человека до обыденности.

Исторический опыт человечества свидетельствует как раз о другом. Ни один формационный сдвиг, ни одно исторически прогрессивное изменение в жизни людей не происходило само по себе, без сознательных усилий исторически определенных классов и личностей. Упование на самореализацию законов истории есть признание интеллектуальной беспомощности перед напором глобальных проблем современности.

Современная социология в стремлении стать философией для себя заблудилась в дебрях дифференциации своего предмета и метода. Во-первых, она очевидно разламывается на части, предметом одной из них становятся глобальные, предметом другой — экзистенциальные (сознание, поведение общественных индивидов), предметом третьей — меркантильные проблемы. Макро- и микро-социология развиваются в режиме дивергенции. А единство их предметности должным образом не раскрывается.

Во-вторых, по мере дифференциации теоретической и эмпирической социологии, по мере измельчания ее предмета целостность человека как общественного существа ускользает от познающего мышления. За теоретическими конструкциями десятков специализированных социологий все меньше видится действительный конкретно-исторический человек, а связь и взаимодействие частей общества не находят корректного объяснения из-за того, что они рассматриваются внешним образом, механистически.

Если XIX век принес революционные изменения в методологию науки и социального познания, то XX век коренным образом изменил ее организацию и структуру. Ремесленный и мануфактурный периоды развития науки сменились индустриальным. Наука стала отраслью совокупного общественного производства. Индустриализация резко усилила противоречие между экономической и социально-культурной функциями науки, породила отчуждение личности ученого.

«Именно массовый, сверхорганизованный характер современной науки является ее бедой, больше того, проклятием. Научных ра-

ботников так много, и их продуктивность так велика, что нет надежды прочесть все написанное даже в одной узкой области. Поле зрения ученого суживается до пяточка, он должен из кожи лезть, чтобы не отстать от бесчисленных конкурентов. Замысел Бога, божественная красота истины, открывающаяся науке, заменяется набором технических задачек. Наука превращается в гонку, миллионная толпа мчится, и никому непонятно куда. Немногим еще эта гонка доставляет удовлетворение, они имеют какую-то перспективу, видят хоть на несколько шагов вперед, но для подавляющего большинства не остается ничего, кроме вида пяток бегущего впереди и сопеения наступающих на пятки сзади» [8. С. 511].

Специализированный исследователь обречен на поиск способов логического обоснования своего теоретического мышления, способов привязки результатов своей работы к совокупному информационному полю. Кроме того, предпосылки и результаты его творчества должны быть в достаточной мере осмыслены как части или стороны общественно-исторической практики в целом, с точки зрения места и роли ожидаемых последствий. А это возможно там и тогда, где и когда всесторонне научно обоснована и официально закреплена в программных документах доктрина стратегического развития общества. Это, во-первых.

Во-вторых, XXI век становится завершающим историческим этапом коренной социальной переориентации науки. Социальная наука из блудливой служанки политики и экономики должна превратиться в госпожу, во всеобщий общественный интеллект — в ум, честь и совесть общества в целом и каждого человека в отдельности.

В-третьих, следовательно, наука нуждается в такой системе общественных отношений, которая не лимитирует ее, а создает широкий простор для непрерывного роста как всеобщей общественной производительной и потребительной силы, так и универсальной формы общественного богатства.

В-четвертых, современная наука выстрадала необходимость своего перехода не только к новому типу организации и социальной ориентации, но и необходимость культивирования нового типа мышления, нового образца человека науки. «К середине XX века теоретик (наиболее явно — физик и математик, но, наверное, наиболее остро — логик и вообще гуманитарий) подошел к решающему парадоксу. В самых различных науках почти одно-

временно обнаружилось, что дальнейшее развитие (и само существование) теоретического знания зависит от решения одной проблемы: теоретик должен оказаться способным логически обоснованно формировать и преобразовывать логические начала собственного мышления. В противном случае такие начала, как выяснилось, не могут быть основанием последовательного логического движения» [2. С. 23]. Логика, — пишет далее В.С. Библер, — «должна обосновать свое начало — стать «диалогикой». Добавим к этому, что для узкоспециализированного исследователя вообще, для социолога особенно диалогический подход имеет тройное значение.

1. Социолог должен логические начала собственного исследования соотнести с началами научной дисциплины, частью которого является его научная работа. Например, логические начала социологии, политики должны быть соотнесены с логическими началами социологии вообще. 2. Эти последние должны быть осмыслены на уровне социальной философии. 3. На общепhilosophическом уровне — соотнесены с объективной логикой, логикой действительных исторических факторов, логикой реального движения общества. Если это трехфазное, трехступенчатое взаимодействие («переключка» логик) происходит исключительно в голове социолога, то будет правилом ожидать все большего расхождения между теорией и практикой. Хорошо, если специализированный социолог прочно стоит на позициях научного мировоззрения и не поддается искушению погрешить против истины из-за трусости или корысти. И очень плохо для социального познания, если субъект познаваемой деятельности не различает названные выше фазы познавательного процесса или не видит их органического единства. Тут уж, как говорится, никакая искренность в стремлении к истине не поможет до тех пор, пока не будет подкреплена соответствующей интеллектуальной культурой.

Специализированный социолог, не проникшийся необходимостью систематического обращения к логике логик — большой философии, — нередко оказывается в положении школьника, лихо пытающегося решать методами «арифметики Пупкина» задачи, подлежащие решению средствами высшей математики. Именно это стало одной из причин того, что бурное развитие эмпирической социологии и некритическое заимствование специфических для нее методов познания, разрабо-

танных на Западе, уводит отечественную социологию от диалектики к позитивизму.

Вместо того, чтобы вывести научное познание в целом на исторически новый уровень, философско-социологические науки своим гносеологическим бессилием способствуют разрастанию и углублению глобального духовного кризиса, обесмысливанию научного познания в целом. В связи с этим важно вернуться к вопросу о соотношении философии и науки вообще, о механизмах их взаимодействия.

Известно, что философия в своем развитии проходит три основных исторических этапа: натурфилософия, позитивизм и гуманизм. Натурфилософия вплоть до Гегеля считалась наукой всех наук: в ее лоне происходило становление большинства современных научных дисциплин.

С возникновением экспериментального естествознания и технических наук роль философии коренным образом изменилась, и это нашло свое отражение и выражение в позитивизме и диалектическом материализме, между которыми возникла острейшая борьба, которая продолжается до сих пор.

Позитивизм отрицает философию как самостоятельную форму знания, утверждая, что каждая наука сама по себе философия, а все науки в конечном счете сводятся к физике, а если не сводятся, то это не науки. В противовес тезису: «Все науки суть физика» — в марксизме получил развитие тезис: «Все науки суть наука о человеке и для человека». Например, сопромат — не только и не столько наука о прочностных свойствах материалов, сколько о том, как, в какой мере природа сопротивляется человеку.

Необходимость переориентации всех наук на человека, на решение проблем всесторонней гуманизации общественных отношений становится не только нравственным, но и экономическим императивом [8. С. 23–30]. Такого рода переориентация — ключ не только к выходу социального познания из кризиса, но и к структурной перестройке производства научных работ в целом.

Кризис социального познания — это в конечном счете и в первую очередь кризис общественно-исторической практики. Не только знание, но и сама практика с необходимостью оцениваются как истинные или неистинные. Неистинная, то есть не соответ-

ствующая вызову эпохи, объективным тенденциям развития общества, практика может быть только показателем интеллектуальной недоношенности субъекта познания. Некорректные, неадекватные решения и практические действия исторических личностей и классов выступают критерием не истины, а заблуждения. Неистинная практика не может быть основой современного социального познания. Важно подчеркнуть, что вопрос о соотношении социального познания и преобразования мира, о соотношении теории и практики — это ключевой вопрос в решении гносеологических проблем современности.

Со времен Гегеля известно, что практика — основа познания, что знание является выражением единства теоретического и практического отношения человека к миру [3. С. 23]. То, что практика без теории слепа, а теория без практики мертва, известно каждому, кто знаком с основами теории познания. Нельзя познать мир, пассивно наблюдая за ним или плетясь в хвосте событий. Наблюдение в науке вообще строится на основе целенаправленного, тщательно продуманного воздействия на объект исследования. Это еще более важно для социальных объектов, ибо здесь речь идет о самопознании. Но как можно познать себя, не выходя постоянно за пределы наличного бытия, не преодолевая рутинной практики и не возвышая деятельность?

Разумеется, и отдельный человек, и общество в целом в разные исторические времена, в разной мере осознавали потребность в самопознании. По мере обобществления труда, производства и управления, по мере ускорения НТП и динамизации обновления общественного бытия простое объяснение исторических событий, после того как они свершились, стало анахронизмом. Во весь голос об этом первым сказал еще К. Маркс: «Общественная жизнь, — писал он в «Тезисах о Фейербахе», — является по существу *практической*. Все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики... Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [6. С. 3–4]. Было бы ошибкой видеть в этой формуле только романтическое возвеличивание революционно-практических действий. Здесь речь идет, в первую очередь, о понимании социального познания как исторического творчества и необходимости перехода к практике исторически нового типа.

Вспомним в связи с этим ленинскую характеристику ступеней процесса познания: «от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике» [5. С. 142]. Для нас здесь принципиальное значение имеет не гносеологический, а логический смысл этой философской формулы. А он состоит в том, что исторически исходная практика живого созерцания предметов природы и эмпирического выявления их свойств сменилась практикой абстрактного постижения мира. Общественное разделение труда и его дифференциация сделали то, что классы людей, будучи привязанными к отдельным частям совокупного общественного труда, мыслили: одни — практически-абстрактно, другие — абстрактно-теоретически. Разорванность общественного сознания и познания преодолевалась сначала религиозной, а затем политической идеологией, именно они давали общее освещение исторической практике «абстрактного мышления».

Если акты практики «живого созерцания» строились на «априорных», заложенных в мифах мыслительных образах и подкреплялись диктуемым природой вещей здравомыслием, то отделение умственного труда от физического положило начало не только развитию теории, но и дало толчок дифференциации самой практики. Практика все более стала разделяться на деятельность и общение, управление и исполнение, творчество и взаимодействие. Необходимо особо отметить, что на этой ступени освоения мира связь теории и общественно-исторической практики носит преимущественно случайный характер, ибо они — и теория, и практика — базируются на абстрактном, классово, профессионально и т.п. ограниченном мышлении. В познании этого периода господствует «апостериорный принцип», принцип Сова Минервы: познается только то, что уже свершилось, погружено в историю и «окаменело». Именно неразвитость, неорганичность связи теории и практики, отставание общественного сознания от бытия порождает феномен плюралистического толкования событий, релятивизм и агностицизм. Все это привело в конце концов к иррационализации социального познания, антагонизации практики и кризису цивилизации.

Разум цивилизации, раздробленный на фрагменты апостериорного осмысления мира и партикулярного целеполагания, оборачивается безумием. Вот почему необходима бескомпромиссная и решительная борьба с позитивизмом, агностицизмом и релятивиз-

мом — этими духовными костылями парализованной отчуждением цивилизации.

Выход из тупика возможен только путем органичного соединения научного познания и практики, превращения науки и философии в непосредственную созидательную, практическую силу, а практики — в действительный высокоинтеллектуальный инструмент познания мира. Именно переход человечества от «партикулярной», основанной на частной собственности и частном интересе практики отчужденных друг от друга общественных индивидов к практике исторически нового типа является ключом к пониманию путей вывода социального познания из кризиса.

Современная эпоха, несмотря на все ее трагические зигзаги, остается эпохой перехода человечества к исторически новому типу организации общественного бытия. Однако современное переходное общество может развиваться и развивается в двух противоположных направлениях.

Первое направление базируется на дифференциации совокупной деятельности общества, специализации общественных индивидов и прикреплении их к отдельным фрагментам культуры. Общественные индивиды превращаются в «осколки» культуры, целостность которой противостоит им как чуждая, враждебная сила. Их специализированное, фрагментарное мышление не способно к целостному и адекватному постижению мира. Они все больше нуждаются в управленческой и интеллектуальной помощи со стороны общества. Такого рода нишу заполняют социальные группы, специализирующиеся на присвоении и удержании общественных управленческих функций: собственнических, распорядительных, контрольных, информационных. Доминирующее экономическое принуждение сменяется организационным (давление социальных институтов) и информационным (давление СМИ). Формируется класс людей, специализирующихся на «промывании мозгов» и «зачистке» общественных настроений. Между организационно-экономическими и олигархическими информационными структурами, с одной стороны, и массой людей — с другой, отношения все более упрощаются и постепенно входят в режим примитивного динамического равновесия: вы нам «хлеба и зрелищ», мы вам «почет и уважение».

Первое направление ведет к закреплению классовой разделенности общества, отчужде-

нию масс от управления, выводу их за пределы сознательного исторического творчества и использованию их в качестве определенным образом выдрессированных сил природы, «кнопочных работников», «духовных автоматов», подконтрольных средствам массовой коммуникации и их хозяевам. Все это можно назвать тенденцией негативного, суррогатного обобществления труда и формирования глобального альянса сил, стремящихся к господству над всеми ресурсами человечества. Такого рода силам не нужна подлинная наука об обществе. Нельзя не согласиться с директором Всероссийского центра изучения общественного мнения Ю.Левадой, который скептически заметил, что «рассчитывать, что изучающие общество могут давить на наши верхи, не приходится. Их интересуют лишь данные, которые им удобны, все остальное — побоку» [4. С. 11].

Второе направление выражено позитивными тенденциями обобществления труда, производства и управления. Причем принципиальное различие между указанными направлениями заключается не только и не столько в обобществлении управления, аналогом которого является демократизация, движение от господства представительной демократии к непосредственной, сколько в способе взаимодействия систем управления и науки. Система непосредственно демократического управления не может не базироваться на высоком уровне сознательного участия большинства в управленческой деятельности. Она содержит в себе реальную возможность гуманизации общественных отношений, раскрепощения творческого потенциала каждого, создания условий для всеобщего творчества, базирующегося на использовании всех видов знания и особенно социального, гуманитарного.

Чем больше дифференцируется социальное познание, чем больше оно приобретает непосредственно коллективный характер, тем больше требуется регулирования, координации усилий ученых, стимулирования их деятельности. Однако управление наукой вообще и социальной в особенности — это по существу суперинтеллектуальная функция общества. Действительная социальная наука не только в головах ученых и в их научных трудах, но и, главным образом, в стратегических политических, управленческих решениях и массовом сознании и мышлении.

ВЫВОДЫ

1. Кризис социального познания является выражением кризиса общественно-исторической практики, все более углубляющегося несоответствия ее партикулярного характера содержанию глобальных и региональных проблем современности.
2. Не только каждому историческому этапу развития практики должны соответствовать общие и специфические методы познания, но и каждый исторический этап движения от незнания к знанию нуждается в исторически определенных формах практики.
3. Переход к практике нового типа является одновременно исторической и гносеологической необходимостью.
4. Практика исторически нового типа характеризуется следующими параметрами: положенностью сознательного начала в основу деятельности общества в целом; высоким уровнем обобществления управления (реальной демократизацией общественных отношений, господством непосредственной демократии над представительной); культивированием всеобщности социального творчества; преимущественной ориентацией общества на воспроизводство богатства в форме общественного интеллекта; оценкой результатов по критериям экономики и уплотнения социального времени и роста в обществе количества свободных творческих индивидуальностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барулин В. С. Социальная философия: Учебник. Ч. I. М.: МГУ, 1993. С. 39, 257.
2. Библер В. С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в XXI век. М.: Мысль, 1991. С. 23.
3. Гегель // Энциклопедия философских наук. Т. 2. М.: Мысль, 1975.
4. Левада Ю. А. «Одна Москва, одни деньги, один телевизор» // Фигуры и лица. 11 мая 2000. № 9.
5. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 18. С. 142.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 3, 2-е изд. М., 1955.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 42. С. 124.
8. Шафаревич И. Р. Есть ли у России будущее? М.: Советский писатель, 1991. С. 511.
9. Ширяев Л. А. Закономерности взаимодействия экономики и культуры на стыке эпох // Вестник УГАТУ. № 1. 2000. С. 23–30.

ОБ АВТОРЕ

Ширяев Леонид Андреевич, профессор, зав. каф. истории Отечества и культурологии УГАТУ. Дипл. горный инженер (УНИ, 1961), канд. философских наук, д-р социологических наук по теории, методологии и истории социологии (БГУ, 1992). Исследования в области социальных проблем культуры, творчества, всеобщего общественного интеллекта.

